

О. Паченков

Неформальные практики лесопользования в повседневной жизни лесных поселков: стратегии легитимации

Разделение лесопользования на «промышленное» и «повседневное» и выделение последнего в самостоятельный объект исследования связано не только с различиями в масштабах и экономическом содержании этих двух видов лесопользования. С точки зрения нашего исследования не менее важны различия в неформальных правилах, действующих в этих сферах, и в логиках, которые стоят за этими правилами. Предположение о том, что в повседневном лесопользовании присутствует иная логика, нежели в промышленном, опирается на представление о специфике леса как элемента экономической повседневности людей, живущих в лесных поселках. Здесь речь идет уже не только и не столько о том, что промышленное лесопользование – это лес на продажу, а повседневное – это лес для себя, сколько о различной логике мышления и интерпретативных схемах, стоящих за «промышленным» и «повседневным» подходами к лесу. Для людей, живущих в «лесных» регионах, лес – это элемент их образа жизни, среда обитания, источник существования. Отношение людей к лесу, представления о том, кто и как должен с ним обращаться, формируются, в том числе на основе норм обычного права, которые не всегда совпадают с законодательными регуляторами лесных отношений и выходят за рамки сугубо экономической рациональной логики. Поэтому неформальные практики и отношения лесопользования часто приобретают иной смысл, если рассмотреть лес и лесные отношения из перспективы повседневности лесных поселков. Это побудило нас попытаться реконструировать некоторые правила и представления, регулирующие практики повседневного лесопользования жителей лесных поселков, прежде всего через анализ стратегий объяснения, оправдания не вполне законных действий участников лесных отношений.

Понять, чем руководствуются люди, одобряя или закрывая глаза на неформальные практики лесопользования, достаточно сложно, как сложно описать любой свод правил неписаного права. Один из способов такого понимания – реконструкция стратегий объяснения и оправдания, или легитимации²⁸, тех или иных действий их непосредственными участниками, а также другими участниками лесных отношений. Таким образом, в данном разделе речь пойдет о множественности стратегий легитимации, оправдывающих практики лесопользования, которые могут быть названы «неформальными» или даже «незаконными». Мы покажем, что эта *множественность легитимаций коренится во множественности моральных оснований* поведения, среди которых закон далеко не всегда играет доминирующую роль и нередко входит в противоречие с обычным правом, традицией, иными моральными кодексами. Проведенное исследование позволило нам выделить, по крайней мере, *четыре типа оснований*, используемых нашими информантами для легитимации неформальных практик в сфере повседневного лесопользования:

- традиции населения, живущего «в лесу»,
- практика «советского лесопользования»,
- постсоветский контекст: «экономика выживания»,
- отсутствие заботы со стороны государства.

Не следует понимать их таким образом, что существуют люди, склонные для легитимации своих незаконных действий с лесом ориентироваться на первый тип оснований, а другие люди предпочитают иные основания. Все вместе эти типы присутствуют в обыденной морали, конвенциональных представлениях о «нормальности» и справедливости и рассматриваются здесь по отдельности исключительно в аналитических целях.

Традиции населения, живущего «в лесу»

Данное основание для оправдания неформальных практик хорошо отражает фраза, которую неоднократно можно было услышать от наших информантов в контексте обсуждения нелегальных рубок: *«тут мой прадед*

²⁸ Вслед за П.Бергером и Т.Лукманом мы будем понимать легитимацию как процесс «объяснения и оправдания» институционального порядка и конкретных действий: «Легитимация оправдывает институциональный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам» (Бергер, Лукман 1995: 153).

рубил, и дед рубил, и отец рубил, и я рубить буду!». Эта позиция признается легитимной и общественностью и экспертами, когда речь идет о т.н. «коренных народах», хозяйственная жизнь которых традиционно связана с лесом, и которые поныне сохранили традиционную культуру ведения хозяйства. Ученые и экологи выступают за то, чтобы представители таких народов составляли исключение из правил лесопользования, обязательных для всех других граждан России. Маловероятно, что жителей Иркутской области ученые и экологи готовы были бы отнести к группе «коренных народов», живущих за счет леса, хотя сами жители рассматривают себя схожим образом. Основанием для подобного отношения к себе и к лесу для них является, например, ситуация с отоплением: подавляющее большинство домов в Иркутской области отапливается дровами. Кроме того, в современной России лес используется жителями не только как источник древесины, но и как источник продуктов – грибов, ягод, дичи. Все эти формы хозяйствования, сколь устаревшими они не представлялись бы со стороны, очень важны для жизни большей части негородского населения Иркутской области и других лесных непромышленных районов России.²⁹ В этом смысле о них можно сказать, что люди живут за счет леса, и это дает им основание для «традиционного» отношения к лесу.

С точки зрения местных жителей, представления о лесе, как «стратегическом государственном ресурсе», «национальном достоянии», пользование которым должно регулироваться законом, оказываются нерелевантными. Скорее, распространено отношение к лесу, как к среде обитания, которой можно свободно воспользоваться в любое время и в количествах, определяемых потребностями. Такая позиция воспринимается, как нечто «само собой разумеющееся». Ограничение этого права, напротив, кажется чем-то «ненормальным», «неправильным», «несправедливым», вызывает явное или пассивное осуждение.

Интересно, что подобное отношение можно встретить и у представителей государственных организаций, которые сами призваны охранять и

²⁹ «Заметным дополнением к семейному бюджету являются недревесные продукты леса. Большинство семей регулярно заготавливают для себя 20-30 кг соленых грибов; по 20-30 кг смородины, голубики, 10-20 кг брусники, малины, жимолости. Многие семьи осуществляют заготовку кедрового ореха – до 350-400 кг на семью в урожайный год. Примерно такое же количество идет на продажу» (А. Лалетина, А. Щепин. Жизнь одного села. Лесной бюллетень №6-7, март 1998).

восстанавливать лес. В интервью представитель национального парка с явным осуждением говорила о том, что местный житель не имеет права самостоятельно обеспечить себя дровами без получения на это официального разрешения:

«То есть просто пойти в лес и взять дровину – нельзя. Это столько проблем. Надо приехать, привезти лесопатолога, провести лесопатологическую экспертизу... Только согласно лесопатологического описания. То есть человек, который живет здесь десять лет, он просто так взять лес не может... Надо поехать в город, привезти специалиста...»*

(руководитель национального парка)

Необходимость получить разрешение на использование леса оправдано с государственной точки зрения, но не с точки зрения человека, семья которого в нескольких поколениях «живет от леса», даже если этот человек государственный служащий и призван охранять государственные интересы в лесной сфере.

Отношения местных жителей с природой регулируются во многих ситуациях не законодательством, а обычным правом, традициями. Условием легитимного поведения оказывается воспроизводство естественного порядка вещей в природе, ее восстановление, а также коллективное благополучие и выживание всего местного сообщества, живущего за счет леса: ловить рыбу так, чтобы это не повредило ее воспроизводству; рубить деревья так, чтобы лес мог восстанавливаться. Соблюдение негласных правил пользования лесными богатствами, принципа «не навреди» становится основанием для выстраивания границы между «своими» и «чужими», «местными» и «неместными». Обвинения местного населения в недобросовестном использовании лесных и других природных ресурсов, приводящем к непоправимым последствиям, например, лесным пожарам, категорически отвергаются – местный, свой, никогда этого не делает:

«То, что в прессе была информация о том, что местное население делает поджоги, чтобы перевести леса в некондицию, – это неправда. Никаких доказательных таких вещей нет... Местное население чтобы поджигало... Местное население – это население Иркутской области, вот с Африки если приехал, то это неместный...»

А [местные] в наименьшей степени... Они, все-таки, заинтересованы, чтобы у них лес был: ягоды, грибы, скот пасся. А после пожара какой там скот будет? Вот у нас после пожара скот этого коровы черные ходили целый год. Черные, жрать-то им ничего было. А если один-два идиота заведется – так везде паршивая овца есть, которые по своей халатности... не по злему умыслу, а по халатности, отжигал где-то покос и бросил... А что целенаправленно местное население леса уничтожает, такого я не читал и если это писали, то это недалекий человек писал... Потому что жизнь только с лесом связана...»

(муж., местный житель)

Что касается «неместных», чужих, которые включены в промышленные лесные отношения, то они, по мнению местного населения, вполне могут быть заинтересованы в инициировании лесных пожаров, и причины этого видятся, прежде всего, в возможности обогатиться за счет выделенных на их тушение средств:

«А еще поджигают потому, что на пожарах можно поиметь деньги хорошо. Москва же выделяет деньги на тушение пожаров. Там можно поиметь и на продуктах, и на бензине и непосредственно на наличке. Пока эти деньги дойдут до рядового тушителя, останутся три копейки от трех миллионов»

(муж., местный житель)

Дискурсивный анализ показывает, что деление на «своих» – «чужих», «местных» и «неместных» имеет не только географическое обоснование, но скорее основывается на различиях в отношении к лесу. «Чужие» не обязательно приезжают из Москвы, или Иркутска, ими могут оказаться бизнесмены или представители администрации, живущие в этом же районе. Их отличие состоит в том, что с точки зрения участников повседневного лесопользования, эти люди нарушают правила сохранения природы; для них лес – не более чем древесина, которую можно срубить и выгодно продать. Можно сказать, что это те участники лесных отношений, для которых рациональные экономические мотивы действий превалируют над «традиционными».

«Советские» практики лесопользования

Для советского лесопользования характерно восприятие леса как неисчерпаемого богатства. В подтверждение тому – многочисленные примеры бесхозяйственности и варварского обращения с лесами, о которых наши информанты вспоминают, когда говорят о работе леспромхозов. Можно привести такой пример: вальщики леса и другие члены бригады на делянках получали зарплату от выработки (чем больше свалили, тем больше получили), в то время как лесовозчики получали двойную зарплату, если вывезли больше 140% плана, на этом возможности роста зарплаты исчерпывались, т.е. даже если они выполняли 300% или 500% плана, их зарплата увеличивалась вдвое и не более того. Соответственно, объем сваленного леса нередко значительно превышал объем леса вывезенного. Как результат – брошенные штабеля леса до сих пор лежат на старых делянках и используются местным населением на дрова, там, где они доступны для вывоза.

После перестройки ни у лесников, ни у заготовителей не было необходимости детально вникать в регулирующее их деятельность законодательство, поскольку сложившиеся механизмы обычного права работали достаточно эффективно, а внешний контроль практически отсутствовал³⁰ (и отсутствует до сих пор). Критерием «правильной» или «неправильной» рубки стала приблизительная оценка лесника и норма обычного права, представляющего смесь традиций сообщества, живущего от леса, и советских практик лесопользования.

Отношение к лесу как к неисчерпаемому богатству «проецировалось» и на жизнь лесных поселков. В советское время многие леспромхозы были поселкообразующими предприятиями, на которых были заняты практически все жители. По рассказам местных жителей, работники леспромхозов могли просто попросить начальство или другого работника привезти машину дров или строевого леса, и этот лес выдавался им бесплатно. Работникам леспромхозов предоставлялась возможность использовать технику ЛПХ для заготовки леса. Лес не воспринимался, как что-то, за что нужно платить. Если человек был в состоянии заготовить древесину сам, без привлечения служебной техники, это и вовсе не считалось возбраняемым действием.

³⁰ На практике леспромхозы нередко контролировали себя сами – сами рубили, и сами же следили за соблюдением норм во время работы.

Неформальные практики лесопользования в повседневной жизни

Советские времена и характерные для них отношения вокруг леса воспринимаются теми, кто знает о жизни в тот период не понаслышке, как точка референции, как эталон для сравнения нынешней ситуации:

«В те времена это было все довольно просто, дешево, и поселок просто был завален, именно лесоматериалом, полностью. Возле каждого двора куча, там, дров, каких-то досок, бруса, ну, и как-то... Завален был поселок. А сейчас, как-то вот... Дрова у нас привозные ..., потому что сейчас с этим возникают большие проблемы. Потому что, ну знаете, много ветеранов, пенсионеров, и вот, законы вот эти о льготах. Довольно трудно выбить дрова из сельсовета или ЖКО»

(ж., жительница лесного поселка).

Сравнивая ситуацию с обеспечением населения дровами в советское время с нынешним положением дел, наши информанты, как правило, демонстрируют ностальгию и сожаление. Позитивный опыт прошлого становится основанием для легитимации действий, которые позволяют сегодня воспроизводить прежнюю, «эталонную» ситуацию (которая одновременно воспринимается как более «справедливая»), даже если эти действия входят в противоречие с нынешними формальными правилами.

Постсоветский подход: «экономика выживания»

В постсоветский период появились новые основания для легитимации незаконной добычи леса. Легитимными в рамках логики повседневного лесопользования считаются такие практики, которые направлены не на обогащение, не на получение прибыли, а на *выживание*. Мы полагаем, что адекватным термином, описывающим социально-экономическую ситуацию, характерную для многих населенных пунктов в России вообще, и в Иркутской области в частности, является термин «экономика выживания»³¹. Экономика выживания (в отличие от «экономики развития» или «процветания») характеризуется многомесячными невыплатами зарплат, пенсий и детских пособий, «издевательской по размеру» заработной платой у большей части

³¹ Тихонова Н., Шкаратан О. (2001) Российская социальная политика: выбор без альтернатив? // Социальные исследования, 2001, №3. С. 21-31.

бюджетников, т.е. ответственность у наследия средств к существованию. Одним из возможных решений проблемы становится «*натурализация потребления и обмена товарами и услугами*³²». Происходит переход к натуральному самообеспечению: люди сами шьют, вяжут, мастерят мебель, ремонтируют старую технику, машины и т.п., либо обращаются за помощью к родственникам, знакомым друзьям, соседям, вступая в отношения реципрокности. Природа становится важным источником продуктов питания не только для сельских жителей, но и для горожан: люди собирают ягоды, грибы, ловят рыбу, охотятся, занимаются садоводством и огородничеством. Таков образ жизни тех, кто существует в секторе «экономики выживания».

Все перечисленные выше признаки можно с полным основанием отнести и к жизни в лесных поселках Иркутской области. В ходе исследования мы столкнулись с неразвитостью социальной и культурной инфраструктуры поселков, отчасти не успевшей возникнуть, отчасти, пришедшей в упадок, с массовой безработицей, тотальным отъездом молодежи и «старением» населения поселков. Для поддержания минимальных стандартов жизни население пытается вести натуральное хозяйство, многие охотятся, занимаются рыболовством, собирают грибы, ягоды, кедровые орехи – как для собственных нужд, так и на продажу. В такой ситуации выживание семьи – безусловный приоритет с точки зрения повседневной логики³³. Возможная незаконность действий в этом случае осознается, но не рассматривается как значимый, определяющий момент.

Экономика выживания в лесных поселках приобретает форму натуральных взаимобменов, характерную для деревенских сообществ. Лес участвует в системе обменов наряду с другими натуральными продуктами. Дрова (или разрешение на рубку леса на дрова) могут обмениваться на комбикорма, мясо, шерсть, самогон и т.п. И хотя в процессе обмена в качестве промежуточного звена могут возникать также и деньги, это не меняет его «натуральной» сущности как направленного на обеспечение выживания, удовлетворения жизненно важных нужд сельских домохозяйств, а не на приращение капиталов.

³² Там же.

³³ С точки зрения других логик – вовсе не обязательно: там приоритетом может быть перспектива промышленного развития поселка или региона в целом, или – соблюдение закона в ситуации его тотального нарушения и т.д.

Неформальные практики лесопользования в повседневной жизни

Сети взаимобменнов весьма обширны, в них могут быть включены также жители других деревень, и даже городские жители. Как правило, люди, участвующие в сетях натуральных взаимобменнов, предоставляют некоторый ресурс, которым обладают сами и который у них имеется в избытке, либо к нему имеют относительно облегченный доступ³⁴. Лес в этом смысле не является исключением. Можно предположить, что тем, кто предоставляет данный ресурс для обмена, он достается относительно дешево (читай – неформально). Типичной для лесных поселков является ситуация, когда владельцы транспорта (трактора, грузовика) или те, у кого этот транспорт находится во временном пользовании (водители), занимаются заготовкой и продажей дров для жителей поселка:

«Ну, например, у меня был такой приятель. Он работал... в дорожной службе. То есть он к лесу никакого отношения не имел. Но так как поселок маленький, все друг друга знают, и его друг работал на одной из таких полян. На тракторе, который совершает погрузку. И они договаривались вечером, после работы, то есть этот договаривался на своей работе, этот договаривался со своим хозяином, и вот какие-то нестандартные бревна, там, обломки бревен, грузили в машину, вывозили и продавали. Вот такой способ есть...»

(ж., жительница поселка)

Покупая дрова, люди не задумываются, как был срублен этот лес – легально или нелегально, в соответствии с лесобилетом или на основе устной договоренности. Их гораздо больше интересует качество дров (например, верхушечник разного размера не очень удобен и для хранения и для использования), сроки доставки (летом или зимой, когда их удобнее ко-

³⁴ Например, в одном из кейсов нам встретилась ситуация, когда наши информанты обменивали овечью шерсть и мясо на комбикорма, которыми их снабжали родственники (или знакомые), работающие на заводе комбикормов. Часть полученных комбикормов использовалась в хозяйстве, другая часть продолжала свой путь по цепочке взаимобменнов. Поскольку уже миновали те времена, когда зарплата выдавалась не в денежной, а в натуральной форме, можно только предполагать, каким образом доставались упомянутым в данном примере родственникам эти комбикорма. В любом случае очевидно, что они достаются их владельцам дешевле, чем тем, кто не работает на данном предприятии, и потому обмен оказывается оправданным.

лють), цена (покупать у лесхоза дороже). Это вопросы, которые имеют в экономике выживания первоочередное значение; вопрос о законности отходит здесь на второй план:

«Дрова можно вытесать, но это будет гораздо дороже, и качество дров будет не намного выше, потому что грузят все, что попадет, в основном. А когда сами эти ребята этим занимаются, они все равно, как-то, более-менее выбирают. И через лесхоз довольно дорого это, потому что, как бы, деленки, сейчас находятся далеко... А те деленки, которые находятся возле поселка, до которых можно добраться в пределах, там, вечера, и вывезти пару машин... Вот так вот. Ну, то есть это как получается – нелегальный вывоз (смеется)»

(ж., жительница лесного поселка)

Негативное отношение проявляется тогда, когда нелегальные рубки каким-то образом непосредственно затрагивают местных жителей (например, если без разрешения вырубил лес в непосредственной близости к поселку, нарушив тем самым привычный и/или «красивый» ландшафт и т.п.). В этом случае неформальные практики не одобряются.

В экономику выживания включены не только индивиды, но и организации, которые, получая лес по социальным лимитам, отдают его предпринимателям взамен на необходимую для работы технику или другие товары и услуги:

«Ну, допустим, ЦРБ купила Уазик для Скорой Помощи – у них старый совсем почти развалился, а надо же на въезды-то ездить на чем-то... На что покупать? Пожарная часть покупает машину, чтобы тоже пожарники могли ездить, там, по району со своими проверками. И так далее. Школа покупает Уазик. В основном, вот в последние годы, у них такая была тенденция – вот эти многие организации брали этот лес под машину. Считалось очень выгодной сделкой, когда меняли вот билет на машину. Тебе машину закатывают во двор, да, а ты отдаешь билет, да. ... Значит, на первый пункт – на строительство, но это далеко не все – это единицы брали действительно на строительство, на машины, ну, и

третье – на все остальное. Начиная от горюче-смазочных материалов, допустим, колхоз – у них уборочная, посевная на носу, а горючки не хватает – они несколько лесовозов отправляют в областной центр, получают деньги, покупают горючку. Понимаете, вот, вплоть до такого. То есть это почти на грани натурального хозяйства такого. Начало 21 века»

(ж., руководитель бюджетной организации в лесном поселке).

Т.о., принципы «экономики выживания» работают и на уровне бюджетных организаций. В сложной экономической ситуации обмен доступного ресурса на необходимые товары считается легитимным, хотя и осуществляется в обход закона.

Отсутствие заботы со стороны государства

Еще одним важным основанием для оправдания нарушений закона в сфере повседневного лесопользования является специфическое отношение людей к государству и формальным правилам, его олицетворяющим. Имеется некоторый набор ожиданий, представлений людей о том, как должно вести себя по отношению к ним государство. Прежде всего, от государства ожидается «забота»: предоставление работы, зарплаты, социального обеспечения. В ответ на эту заботу граждане готовы предоставить государству свою лояльность, в т.ч. – соблюдение устанавливаемых государством правил. В рассматриваемой ситуации государство представляется той стороной «общественного договора», которая свои обязательства, такие как например, содержание бюджетных организаций в достойных условиях или предоставление гражданам рабочих мест с достойной оплатой труда, не выполняет:

«... в лесхозе еще хуже. Там они вообще не видят денег месяцами. У меня один знакомый в лесхозе сторожем работает, тот вообще не видел денег пять месяцев. Людей загоняют в такие условия, когда они вынуждены как-то себе зарабатывать деньги. Плюс, их обычно используют в лесхозе – они там калымят. Он за четыре года работы в лесхозе наскреб только на «мягкий уголок»»

(муж., местный житель)

Более того, государство не в состоянии обеспечить даже элементарных условий существования, обеспечить нормальное функционирование социальной сферы:

«Там до смешного ситуация в [...] доходит. Дрова на лесоделянках жгут, а печку в школе топить нечем. Вот до такой степени государство несостоятельное (смеется). Представляете, да? Я бы привез ребятишкам, чтоб они не мерзли, я бы привез. Я говорю, вы мне хотя бы дизельку за транспорт заплатите, а те говорят – а у нас денег нет»

(предприниматель)

То, что государство в этих ситуациях представляется стороной, нарушающей «общественный договор», в глазах местных жителей придает легитимность их собственным незаконным действиям, делает оправданным нарушение установленных государством правил. В результате, обмануть государство, нарушить закон, как правило, не считается зазорным, если это необходимо для обеспечения выживания.

В этом смысле, нарушение местными жителями установленных законом правил лесопользования имеет сходство с т.н. «обыденным сопротивлением» крестьянства, которое рассматривает в своих работах Д. Скотт³⁵. Речь идет о различных способах скрытого уклонения или нарушения формальных правил, которые практикуют крестьяне в своей повседневной жизни, таких как браконьерство в господских и государственных лесах, негласное присвоение («тихое прирезывание») и использование чужой земли, неуплата налогов и т.п. В этих многообразных способах нарушения формальных правил проявляется негласное противостояние безвластных групп элите и государству, которое основывается на представлении о несправедливости законов и претензий власть имущих. Подобным образом, скрытое уклонение, нарушение и невыполнение установленных государством правил лесопользования жителями лесных поселков, происходящее на уровне повседневных практик, основывается на представлениях о несправедливости, несостоятельности государства, нарушающего свои обязательства по отношению к гражданам.

³⁵ Д. Скотт. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян. Крестьяноведение: теория, история и современность, 1996. С.26-59.

Альтернативная логика за пределами повседневности: патронаж и социальная защита населения со стороны администрации

Характерно, что сами представители местной власти и контролирующих лесопользование организаций часто занимают позицию если не одобрения, то по крайней мере «игнорирования» незаконных рубок. Это происходит в тех случаях, когда незаконные рубки направлены на выживание местного населения, либо связаны с решением жизненно важных социальных проблем поселка. Подобную позицию можно рассматривать как специфические патрон-клиентские отношения между местной властью и населением, особую форму социальной политики местных властей. Специфика отношений связана с тем, что чиновники, которые должны представлять систему и закон, одновременно являются и жителями поселка, т.е. они включены в его социальные сети и разделяют с другими жителями повседневность с местным населением. Ярким примером того, как повседневная логика используется представителем власти, может служить высказывание одного из местных руководителей о том, что они готовы закрывать глаза на незаконные рубки, в которых участвует население, потому что «лучше пусть воруют, чем пить будут» и «хоть чем-то люди заняты»:

«Ну опять же, мы закрываем глаза... Есть несколько частных бригад, но мы понимаем, что у них два пути: или спиться, или уехать на работу в другую территорию, или чем-то заняться здесь. Ну, нашлись у нас такие молодые люди. Они въезжают на деляны в [...] лесхозе, берут лес... И строят срубы под заказ. Все это нелегалы: пусть хоть так работают. Все это, что построено: они не привозят лес сюда, они сами его там берут... Ну, мы закрываем на это глаза. Работают и пусть работают, лишь бы были чем-то заняты. Тем более что они дают работу всем этим местным пьянчужкам. Работа это не из легких. Частично порой занимается этой деятельностью и сам [...] лесхоз: им тоже надо как-то выживать, чтобы люди были чем-то заняты».

(зам. главы сельской администрации)

Вероятно, есть и другое объяснение такой позиции местной администрации. Участие в нелегальной вырубке леса является определенной формой самозанятости жителей. Администрация закрывает глаза на подо-

ные незаконные действия, поскольку они препятствуют социальной деградации и алкоголизации населения, наступающей по причине систематической безработицы на фоне неразвитости социальной и культурной сферы. В результате нарушение закона, которое в конечном счете служит выживанию сообщества, поддержанию определенного уровня и образа жизни людей, оказывается легитимным в глазах представителей администрации.

Все обозначенные выше стратегии легитимации характерны и для представителей госучреждений в сфере лесных отношений. Так, в интервью с заместителем начальника лесхоза оправдывается поведение лесника, который за взятку пропустил машину ворованного леса:

«При А-ном было. Лесник поймал машину [с ворованным лесом], ну, дали ему мешок муки, а дело дошло до прокуратуры. Он [директор лесхоза] рассказывал, вызывают его к прокурору. Говорят, почему дело не заводись. Тот говорит, за что? – Как за что? Ваш лесник взятку взял. А что взял? Мешок муки. – Правильно что взял. Если бы не взял, то умер бы. Т.е. система такая, что специально загоняют лесное хозяйство в угол, т.е., что зарплату не платят, ни жилищного фонда, никакой социальной гарантии – ничего нет. Работают, так, энтузиасты... Так ведь если и у меня он возьмет мешок муки, я тоже глаза закрою, честно скажу. Иначе он сдохнет».
(заместитель начальника лесхоза)

Директор лесхоза не выступает здесь как представитель государства, призванный карать за несоблюдение законов и нарушение должностных инструкций. Вместо этого он принимает сторону «обиженного государством» лесника, которому не платят зарплату, не предоставляют никаких социальных гарантий и т.д. В этой ситуации принять взятку в виде мешка муки представляется директору лесхоза вполне легитимным действием, оправданным также и логикой «экономики выживания».

Другой пример, когда должностное лицо использует повседневную логику для оправдания нелегальных рубщиков, находим в письме лесника (см. Приложение 3):

«... за 2003-05 год оштрафовано около 5 человек на сумму где-то 100-150 тыс. руб. Все люди готовили дрова, многих жалеем, так

Неформальные практики лесопользования в повседневной жизни

как штрафы непомерно высокие. По заготовителям штрафы минимальные ...».

(лесничий лесхоза)

Тот факт, что люди занимались заготовкой дров, делает их незаконные действия оправданными в глазах лесника. Стоящая за этим логика – это логика человека, живущего в лесу, понимающего, что дрова – основное условие жизнеобеспечения в лесных поселках, знающего о проблемах обеспечения местных жителей дровами, представляющего, что у нарушителей, скорее всего, нет денег, чтобы заплатить «непомерно высокие» штрафы.

Лес как элемент повседневной жизни жителей лесных поселков (вместо заключения)

Как уже отмечалось, за делением экономических отношений на формальные и неформальные стоит определенная государственно-ориентированная логика. С известной долей упрощения, можно сформулировать эту логику следующим образом: «формально – значит законно, хорошо, правильно; неформально, напротив, – плохо, незаконно, неправильно, неподконтрольно...». Наш анализ показывает, однако, что есть сфера социальной жизни, для которой характерно иное восприятие законов и государственных институтов. Эта сфера жизни часто именуется *повседневной жизнью* или *повседневностью*. Иногда под повседневностью понимается просто микроуровень социальных отношений; мы, однако, полагаем, что повседневность – особый фрагмент социальной реальности³⁶, которая основывается на своей собственной внутренней логике. Так, в повседневной жизни люди редко рассуждают в категориях «формально/неформально», а такие категории, как «законно/незаконно», не соотносятся здесь однозначно с понятиями «хорошо/плохо». Повседневная жизнь может подразумевать иные, по сравнению с зафиксированными в законе, ценности, морали, иные

³⁶ Эта точка зрения берет свое начало в феноменологии (см.: А. Шюц. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003 г., П.Бергер, Т.Лукман. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995). Мы в своем понимании «повседневности» отталкиваемся от феноменологической традиции, хотя и не следуем ей в точности.

отношения, иные способы категоризации окружающего мира, людей, своих собственных действий.

Логика повседневности как способ интерпретации социального мира задает иную перспективу оценки неформального в лесных отношениях. В этом контексте можно, вероятно, говорить о разных «мирах»³⁷, в которых существуют жители лесных поселков, с разными определениями социальной реальности и ее границ, приемлемых и неприемлемых действий. В одном «мире» решающее значение имеют законы и правила, которые регулируют экономические отношения по поводу леса. В этом «мире» безусловно важен Лесной кодекс и другие нормативные акты, регулирующие отношения между участниками лесных отношений: государственным и организациями (такими как лесхозы, районная и областная администрация, правоохранительные органы, организации социальной сферы), экономическими агентами (предприятия по добыче и переработке леса и индивидуальные предприниматели), наемными работниками (местными жителями и гастарбайтерами). Лес предстает здесь в качестве ресурса, получение которого требует выполнения ряда предусмотренных законом процедур.

Из перспективы повседневности лесных поселков те же агенты лесных отношений и сами отношения принимают иной облик, приобретают иные смыслы. В «мире» повседневности Лесной кодексе оказывается не столь важным регулирующим документом, не менее важными регуляторами отношений по поводу леса являются представления о «справедливости» и негласные общепринятые нормы поведения. В повседневности лесных поселков основную роль играют такие категории, как *выживание* – вместо развития, *привычность* – вместо экономической эффективности и *моральность* – вместо соответствия формальным правилам. Здесь важно выжить, а не увеличить капитал; важно сохранить привычный образ жизни, а не получить максимальную прибыль; важно следовать моральным требованиям.

³⁷ В своей книге «Социальное конструирование реальности» П.Бергер и Т.Лукман называют эти «миры» – «символическими универсумами» и характеризуют их следующим образом: «Это системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности» (с.157); «Они выступают в качестве защитных механизмов как для институционального порядка, так и для индивидуальной биографии. Кроме того, они предусматривают определение социальной реальности, то есть устанавливают границы того, что относится к сфере асоциального взаимодействия» (с. 167).

Неформальные практики лесопользования в повседневной жизни

При этом нарушение закона, в случае если иные, более значимые для жизни общества правила не были нарушены, может не считаться аморальным.

Нам представляется, что изменить ситуацию в лесных отношениях, привести реальность в соответствие с законом и законы в соответствие с реалиями невозможно, если не принимать во внимание роль леса как элемента повседневности жителей лесных поселков. Тем самым исследование неформальной экономики лесопользования получает гуманистическую перспективу, переходя от анализа «стратегических сырьевых ресурсов» к исследованию жизни людей, связанных с лесом.